Итак, я находился на Вашингтон-стрит, вокруг ни души. Ни огонька, только слабый свет луны. За спиной, слышались хриплые голоса и топот, мало чем напоминающий привычное эхо человеческих шагов. Нельзя было терять ни минуты. Я представлял себе, в каком направлении следует двигаться, хорошо еще, что на улицах не горят фонари. Прекрасная все-таки привычка в этих бедных провинциях — экономить электричество! Ночью вполне можно обойтись и светом луны. С южной стороны раздались голоса, но я все же решил не уклоняться от маршрута, а в случае чего переждать опасность в подворотне одного из заброшенных домов.

Я шел быстро и бесшумно, стараясь держаться поближе к ветхим домам. Потеряв во время стремительного спуска шляпу, изрядно помятый, я не отличался теперь особой элегантностью и мог при встрече с ночным гулякой сойти в темноте за своего. Увидев на углу Бейт-стрит две шаркающие фигуры, я тут же нырнул в подворотню, переждал, а затем снова пустился в путь и вскоре вышел на открытое место, где пересекались Элиот-стрит и Вашингтон-стрит. Хотя во время прогулки по городу я сюда не заходил, но этот перекресток и раньше, когда я изучал его на плане, вызывал у меня сомнения. И не зря — здесь все оказалось залито лунным светом. Миновать его было невозможно: другие пути либо изобиловали опасностями, либо уводили далеко в сторону. Оставалось только одно: смело, не таясь, пересечь злополучное место, имитируя походку инсмутца. И при этом надеяться, что никто из преследователей не окажется рядом.

Я не имел ни малейшего представления ни о масштабах погони, ни о ее причинах. В городе было еще довольно тихо. Возможно, известие о моем побеге пока не распространилось. Мне же следовало поскорее перейти на другую улицу, идущую в том же направлении: компания из гостиницы в конце концов должна была догадаться, куда лег мой путь.

В центре открытого пространства, залитого серебристым светом, темнел запущенный, огражденный железной изгородью скверик. К счастью, поблизости никого не было, хотя со стороны Городской площади нарастал чудной гул или, точнее, рокот. Выходящая на этот же перекресток и отличавшаяся большой шириной Саут-стрит спускалась к морю, открывая взору бесконечные водные просторы. Оставалось только надеяться, что, пока я буду пересекать полосу света, меня не увидят.

Одолеть перекресток удалось благополучно. Ничто не говорило о том, что мой след обнаружен. Оглядевшись, я невольно замедлил шаг, не в силах оторвать глаз от величественно блиставшего в лунном сиянии океана. У самого горизонта смутным темном пятном вырисовывался Риф Дьявола, и при виде его я тут же вспомнил жуткие легенды, услышанные мною за последние сутки. В них эта выщербленная, неровная скала представала чуть ли не вратами самого ада — ужасным, богохульственным местом.

Неожиданно на рифе вспыхнули и замелькали огоньки. Нет, это не обман зрения, слишком ярко они горят; я вгляделся и почувствовал, как мной овладевает мистический ужас. Всё тело напряглось, готовясь к паническому бегству, однако какое-то гипнотическое наваждение сковало мои члены. А тут еще на куполообразной крыше гостиницы, которая находилась теперь к северо-востоку от меня, засветились похожие огоньки, только интервалы между вспышками были иными. Ясно — это ответный сигнал.

С трудом очнувшись от странных чар, я вдруг сообразил, какой прекрасный сейчас из меня объект для обозрения, и снова зашаркал характерной походкой местного жителя. Но пока Саут-стрит, а с ней и океан были видны, я не спускал глаз с дьявольского рифа. Не понимая смысла этого обмена сигналами, я решил, что присутствую при некоем диковинном ритуале, как-то связанном с Рифом Дьявола. А может, просто компания гуляк высадилась с корабля на эту мрачную скалу. Огибая слева запущенный скверик, я продолжал всматриваться в

призрачно блистающий океан, следя за таинственными огоньками, вспыхивающими, как сигнальный огонь маяка.

Тогда я и увидел то страшное зрелище, из-за которого, потеряв остатки самообладания, бросился сломя голову бежать; ноги сами несли меня по этой кошмарной пустой улице к югу, мимо темных подворотен и подозрительно распахнутых окон. Дело в том, что серебрящиеся в лунном свете воды между рифом и берегом были не пустынны. А точнее говоря, они прямо кишмя кишели некими диковинными существами, которые плыли к городу. Даже на большом расстоянии и за то краткое время, что я, пораженный, всматривался в темные очертания, мне стало ясно: эти выныривавшие головы и рассекающие волны руки не имеют ничего общего с человеческой природой. Не могу сказать, в чем состояло отличие, но, клянусь, оно было.

Не пробежав и квартала, я замедлил свой сумасшедший бег, услышав слева шум и крики, говорящие, похоже, об организованной погоне. Слышался топот, гортанные звуки, а также дребезжанье автомобиля, двигающегося на юг вдоль Федеральной улицы. Нужно было срочно менять план отступления. Южный район оцеплен, значит, придется выбирать другой путь. Но какой? Я скользнул в подворотню, радуясь, что успел до погони, свернувшей на параллельную улицу, проскочить освещенный перекресток.

Но радоваться, собственно говоря, было нечему. Если погоня идет по другой улице, выходит, преследователи не знают, где я. Они просто хотят отсечь мне все пути к бегству. Стало быть, и остальные дороги, ведущие из города, взяты под контроль. Они ведь не знают, какой маршрут я предпочту! Может быть, держаться подальше от основных дорог и поискать какую-нибудь лазейку? Но что тут отыщешь! Город окружен болотами и речными протоками. От ощущения полной безнадежности, а вдобавок ко всему еще и резко усилившегося зловония у меня даже голова закружилась.

И тут я вспомнил про заброшенную железнодорожную ветку на Раули. Ведь от стоящего у горного ущелья полуразрушенного вокзала идут на северо-запад поросшие сорняками шпалы с проржавевшими рельсами. Этот путь мои враги могли упустить из виду: заросли вереска делали его почти непроходимым. Недаром я сам едва вспомнил о нем. Я видел колею из окна гостиницы и примерно представлял себе, как до нее добраться. К сожалению, начальный ее отрезок хорошо просматривался с дороги на Раули и вообще со всех высоких точек города, и я порешил, добравшись туда, ползти под прикрытием зелени. Попытка не пытка, другого пути у меня все равно нет.

В своей подворотне я еще раз при свете фонарика просмотрел полученный от молодого продавца план. Первым делом предстоит как-то пробраться к вокзалу. Изучив чертеж, я пришел к выводу, что безопаснее всего пройти вперед по направлению к Бебсон-стрит, а затем повернуть на запад и выйти на Лафайет-стрит. Там осторожно продвигаться прямо, избегая открытых и освещенных мест, вроде того перекрестка, который я так лихо пересек. Дальше мой путь пойдет, извиваясь, в северо-западном направлении: мимо Бейтс-стрит, Адамс-стрит и Бенк-стрит, окаймляющей край ущелья. А там рукой подать до заброшенного вокзала, который я видел из гостиничного окна. Решение мое начать путешествие с Бебсон-стрит, а уже затем повернуть на запад объяснялось тем, что мне хотелось, во-первых, избежать по возможности освещенных мест, а во-вторых, широких улиц вроде Саут-стрит.

Я перешел на правую сторону улицы, чтобы как можно незаметнее пробраться на Бебсон-стрит С Федеральной улицы по-прежнему доносился шум, и, обернувшись, я увидел блики света неподалеку от подворотни, где только что прятался. Стремясь как можно скорее покинуть Вашингтон-стрит, я перешел на легкую рысцу, надеясь, что счастливая звезда спасет меня от встречи со случайным прохожим. У самого поворота на Бебсон-стрит я, к своему ужасу,

наткнулся на дом, в котором кто-то жил, о чем говорили занавески на окнах. По счастью, в нем было темно, и я миновал опасное место без происшествий.

Бебсон-стрит пересекала Федеральную улицу, и поэтому здесь я жался как можно ближе к облупившимся, перекошенным домам. Дважды, заслышав громкие голоса, нырял в подворотню. Прямо передо мной расстилалась большая, залитая лунным светом площадь, но мой путь, к счастью, проходил в стороне от нее. Во второй раз я спрятался, услышав шум уже с другой сторны, и, осторожно выглянув, заметил ехавший по освещенной площади автомобиль. Он показался с Элиот-стрит, которая пересекала одновременно и Бебсон-стрит, и Лафайет-стрит.

Ослабевший было запах неожиданно снова усилился. Я задыхался, не мог дальше сделать ни шагу. И тут увидел следом за автомобилем шеренгу скрюченных и шаркающих фигурок. Видимо, это был патруль, направляющийся на инсуичскую дорогу — продолжение Элиот-стрит. Двое из патрульных путались в широченных, падавших тяжелыми складками одеяниях, а голову одного из них венчала ярко сверкавшая на свету тиара. Походка последнего была настолько странной, что при виде его у меня мороз по коже пробежал. Мне даже показалось, что он передвигался прыжками.

Как только экзотическая компания скрылась, я возобновил свой путь. Обогнув угол, прошмыгнул на Лафайет-стрит, а затем поспешно пересек Элиот стрит, стараясь не попасться на глаза патрульным из арьергарда. И хотя вдали, у Городской площади, еще слышались громкое кваканье и отрывистые, лающие звуки, меня никто не заметил. Я благополучно оказался на противоположной стороне, но теперь мне предстояло самое рискованное испытание. Нужно было перейти широкую и прекрасно освещенную Саут-стрит. К тому же я не мог без содрогания думать о жутком зрелище, открывавшемся оттуда на море. При переходе меня легко могли увидеть с двух сторон. В последний момент я решил не перебегать улицу, а проковылять через нее тем же манером, подражая шаркающей походке инсмутца.

Когда передо мной, теперь уже с правой стороны, открылась гладь океана, я некоторое время боролся с собой, отводя глаза в сторону. Но искушение победило, и я бросил любопытный взгляд на воду, продолжая шаркать и приволакивать ноги — спасительная тень еще не укрыла меня. Думая увидеть корабль, я был несколько озадачен, разглядев на волнах направлявшуюся к разрушенной верфи гребную шлюпку, а в ней что-то громоздкое, прикрытое брезентом. Разглядеть гребцов было почти невозможно, и всё же они почему-то вызывали глубокое отвращение. Тут и там виднелись отставшие от основной массы пловцы. На далеком черном рифе мигающие огоньки сменились слабым, но постоянным свечением необычного оттенка. Впереди над остроконечными крышами чернел купол «Джилмен-Хауз». Невыносимое зловоние, унесенное на время благословенным бризом, вернулось с удесятеренной силой.

Не успел я перейти улицу, как услышал голоса преследователей, поспешавших по Вашингтон-стрит с севера. Они дошли до того светлого места, где предо мной впервые открылась в серебристых водах океана поразившая меня картина диковинного заплыва. Мои враги находились менее чем в квартале от меня, и я уже хорошо различал отдельные звероподобные лица, в очередной раз ужасаясь чудовищной инсмутской походке — на полусогнутых ногах, со скрюченной спиной; в этих фигурах не было ничего человеческого. Один передвигался совсем как обезьяна, слегка касаясь руками земли. Другой — в пышном облачении и с тиарой на голове — скакал, как лягушка. Это, наверное, была та самая компания, от которой я прятался в гостиничном дворе, — они так и висели у меня на хвосте. Кое-кто смотрел в мою сторону, и я, хоть и был охвачен страхом, все же неуклюже дошаркал до темного местечка, притворяясь их собратом. Не знаю, заметили меня или нет. Если да, значит, моя уловка помогла, потому, что они, не сменив направления, пересекли освещенное место и направились дальше, все так же

квакая и лопоча на своем гнусном гортанном наречии.

Под покровом темноты я возобновил бег трусцой вдоль обшарпанных старых домов, мрачно возвышавшихся в ночи. Свернув на Бейтс-стрит, я побежал по южной ее стороне, миновав на своем пути два обитаемых дома, в одном из которых на верхнем этаже горел свет. К счастью, опять меня не заметили. На Адамс-стрит я почувствовал себя в большей безопасности, но тут же пережил шок: из темноты подворотни прямо на меня вышел человек. Он, однако, оказался не опасен, так как был мертвецки пьян, и я благополучно добрался до унылых складских трущоб на Бенк-стрит.

Эта улица близ ущелья казалась вымершей. Шум водопада заглушал мои шаги. До вокзала было еще довольно далеко, и я опять перешел на бег. Мрачные высокие стены нагоняли на меня здесь еще больше страху, чем в районе жилых домов. Наконец я увидел впереди арку старого вокзала или, вернее, его руин и, не задерживаясь, устремился к путям.

Рельсы хоть и заржавели, но все были на месте, а вот добрая половина шпал сгнила. Идти, а тем более бежать стало трудно, но я не унывал и продвигался вперед весьма быстро. Сначала рельсы шли вдоль ущелья, затем по длинному мосту, перекинутому через бездну на головокружительной высоте. Тут я заколебался: продолжать путь по этому сомнительному переходу или поискать где-нибудь поблизости мост попрочнее?

При обманчивом свете луны полоса шпал передо мной выглядела вроде бы неповрежденной. Я осторожно ступил на мост, светя себе фонариком, но меня тут же чуть не сбила с ног взметнувшаяся стая летучих мышей. Приблизительно посреди моста поджидала новая неприятность — пары шпал не было и в путях зияла дыра. Это препятствие могло все погубить, и тогда я, рискуя свернуть себе шею, прыгнул — и удачно приземлился.

Трудно представить себе мою радость, когда ущелье осталось позади. Далее пути пересекали под углом Ривер-стрит и направлялись в луга, где зловоние постепенно убывало. Травостой и заросли вереска мешали быстро продвигаться вперед, колючки безжалостно расправлялись с одеждой, но я все терпел, понимая, что густая зелень в случае опасности спасет: ведь с дороги, ведущей на Раули, пути хорошо просматривались.

Вскоре начались болота. Здесь колея лишь слегка возвышалась над открытой местностью, а травы и кустарник поредели. К счастью, вскоре железнодорожные пути пошли по более высокому месту и по обеим сторонам вновь зашумели кустарник и куманика. Меня несказанно обрадовал этот живой заслон: именно здесь дорога на Раули подходила к путям особенно близко. Как раз в конце зеленого тоннеля дорога и колея пересекались, а потом снова расходились на безопасное расстояние. К этому моменту я почти уверовал в то, что железнодорожный путь не патрулируется.

Перед тем как вступить в заросли, я огляделся — вокруг никого не было. Издали старинные шпили и крыши гибнущего Инсмута, затянутые таинственной вуалью из лунного света, выглядели необычайно живописно. Как же хороши они, видимо, были, подумал я, в те дни, когда Зло еще не распростерло свои крыла над городом! Блуждая, взор мой соскользнул с мирной картины ночного города на нечто такое, что заставило меня похолодеть.

Если зрение не обманывало, к югу от меня, у городской черты, зарождалось какое-то лихорадочное бурление. Казалось, город исторгал из себя целые полчища неких тварей, которые изливались на ровную инсуичскую дорогу. На таком большом расстоянии трудно было различить отдельные фигуры, но меня стала бить дрожь от самого вида этой гадостной движущейся колонны. Как-то слишком уж равномерно она колыхалась и слишком ярко

переливалась в лучах луны, переместившейся к этому времени в западную часть неба. Хотя ветер дул в противоположную сторону, мне слышались скрежет когтей и звериный рык, по омерзительности эффекта превосходивший даже те гнусные звуки, которые издавали мои преследователи.

В мозгу вспыхивали самые разные предположения. Может, это те инсмутцы, которые превратились со временем в морских чудовищ и теперь укрываются в разрушенных домах у верфи? А может, таинственные пловцы, увиденные мной в водах океана? Поражало, однако, количество этих сверкающих тварей. Оно было слишком большим для такого безлюдного городка, как Инсмут, тем более что часть местных жителей патрулировала другие дороги.

Откуда могли взяться эти толпы? Неужели в старых, заброшенных складах действительно таилась тщательно скрываемая от посторонних глаз неизвестная жизнь? Или некий корабль тайно высадил на дьявольский риф тысячи неведомых пришельцев? Кто они? Зачем появились здесь? Они заполнили всю инсуичскую дорогу, — может, и на других творилось то же самое?

Я вступил наконец на заросший кустарником отрезок пути и медленным шагом стал продираться сквозь заросли. Неожиданно зловоние резко усилилось. Видимо, направление ветра переменилось, подумал я, наверное, теперь он дует с моря. Одновременно, к моему большому удивлению, послышалась гортанная речь. Раздавались и другие звуки, что-то вроде «шлеп-хлоп» или «плюх-бух», вызвавшие у меня неприятные ассоциации. Вне всякой логики я почему-то подумал о колышущейся по инсуичской дороге колонне.

Звуки и зловоние нарастали, и я, дрожа от страха, затаился, благодаря судьбу за надежное укрытие. Именно здесь дорога на Раули подходила к путям особенно близко, прежде чем пересечься и разойтись в разные стороны. Прижавшись к земле, я решил переждать, пока невидимое шествие минует меня и направится на запад. Благодарение небесам, они не искали меня с собаками. Те наверняка напали бы на мой след, если только им не помешал бы омерзительный смрад. Теперь же я чувствовал себя в полной безопасности, хотя знал, что патруль пересечет колею всего в сотне ярдов отсюда, и тихонько лежал, скрючившись, в песчаной ямке, отгороженный от врагов густой растительностью. Я смогу их видеть, они же, если не случится нечто непредвиденное, меня не заметят.

Услышав топот совсем рядом, я не решился посмотреть в ту сторону. Просто лежал и представлял себе, как в эту минуту залитая лунным светом дорога заполняется немыслимыми существами. Выглядят, должно быть, еще гнуснее тех, что я видел в Инсмуте. До смерти не забудешь!

Я задыхался от невыносимого зловония, но еще больше меня терзали звуки, нисколько не напоминавшие человеческую речь. Чудовищная какофония из кваканья, лая и рыка. Неужели это голоса моих преследователей? Может, все-таки с ними собаки? В городе я не видел домашних животных. Но кто может так шлепать и топать? Дегенеративные инсмутцы? Вряд ли. Я решил как можно крепче зажмурить глаза и не открывать, пока не стихнет шум. Орда была совсем рядом: земля дрожала. Я уже почти не мог дышать и только всё сильнее сжимал веки.

Что было дальше — ужасная явь или кошмарная галлюцинация? Правительственная комиссия, работавшая здесь после моих отчаянных призывов вмешаться и положить конец дьявольскому сговору, подтвердила; да, все происходило на самом деле. Но и они могли подпасть под власть галлюцинаций. Этот старинный, захваченный злой силой город, возможно, вызывал у людей массовый психоз. Такие места уникальны, к ним надо подходить с особой меркой. Завораживающая воображение легенда хоть кому замутит голову, особенно на фоне вымерших улиц с их удушливым зловонием среди покосившихся шпилей и гниющих крыш. А может,

микроб безумия проник в атмосферу города? Может, это болезнь, принесенная неким злом издалека? Ну у кого, скажите, могло сохраниться чувство реальности после рассказов Зедока Аллена? Позже полиция искала его, но не нашла. Кто знает, что с ним стало? И где кончается безумие и начинается объективная реальность? Возможно, мои недавние страхи тоже иллюзия?

Но вернемся к тому, что я видел (или мне померещилось) в ту зловещую ночь, когда луна прямо-таки полыхала на небосводе. Когда я лежал, скорчившись, в кустах дикой ежевики, разросшейся на старой железной дороге, прямо передо мной двигалось в Раули сонмище прыгающих существ. Конечно же, любопытство победило, и я открыл глаза. А кто бы удержался на моем месте? Ведь всего в сотне ярдов шлепала мимо со страшным шумом, квакая и лая, неизвестная науке жизнь.

Казалось, после всех испытаний последнего дня меня ничто уже не могло устрашить. Человеческое начало почти отсутствовало в моих преследователях, и я не удивился бы, завидев существа, вовсе его лишенные. Просто другую жизнь. Жуткий шум и топот переместились тем временем вперед, и, по моим представлениям, дьявольская шеренга находилась теперь как раз там, где заросли немного расступались, открывая место пересечения двух дорог. До сих пор я держал глаза плотно закрытыми, но сейчас открыл, не в силах унять любопытства и уверив себя, что способен вынести любое зрелище, какое только ни предстанет в зловеще-желтом свете луны.

То, что я увидел, означало для меня конец прежней жизни. Конец спокойному существованию, душевному равновесию, вере в гармонию природы и человеческого разума. Ничто не могло соперничать в богохульстве с их противоестественным видом. Поверь я в россказни старого Зедока, и тогда не смог бы вообразить ничего даже отдаленно приближающегося к увиденному. Меня можно упрекнуть в том, что я только и делаю, что намекаю на нечто ужасное, но поверьте, мне стоит большого труда написать, как все обстояло на самом деле. Сколь могу, оттягиваю этот момент. Как могут рождаться существа, подобные этим, на нашей планете? И как случилось, что человеческому зрению открылись — словно это была обычная плоть — креатуры, существующие лишь в инфернальных легендах или больном воображении?

Но как бы то ни было, а я увидел их. Бесконечную вереницу кошмарных тварей шлепающих, прыгающих, квакающих, блеющих. Они, казалось, исполняли зловещую, бесовскую сарабанду в призрачном лунном свете. Головы некоторых венчали высокие тиары из неизвестного светлого металла, похожего на золото, на других колыхались странные одеяния, а тот, что шел впереди всех, был одет в черный, неприятно оттопыренный на спине пиджак и полосатые брюки, на бесформенной массе, отдаленно напоминавшей голову, торчала фетровая шляпа.

В их окраске преобладал серовато-зеленый цвет, животы были белыми. На блестящей и скользкой коже резко выделялись покрытые чешуей спинные позвонки. Если фигурой они еще как-то отдаленно напоминали антропоидов, то головы этих пучеглазых существ были, несомненно, рыбьи. На шеях пульсировали жабры, а длинные кисти и ступни были с перепонками. Они хаотично и бессистемно прыгали то на двух, то на четырех ногах, и я порадовался, что у них было только четыре конечности. Отрывистая речь напоминала то кваканье, то лай и своей мрачной экспрессией вполне компенсировала отсутствие мимики на лицах.

И все же дьявольское зрелище не застало меня совсем уж врасплох — ведь я видел эти уродливые фигурки на зловещей тиаре в Ньюберипорте. Теперь же, встретившись с адскими тварями — рыболягушками — лицом к лицу, всё равно не мог не содрогнуться от ужаса. Вот кого напоминала согбенная фигура священника, мелькнувшая под темными церковными

сводами! А рыболягушки все шли и шли. Конца колонне не было видно. Мгновение спустя все поплыло у меня перед глазами, и я погрузился в благословенное забытье, впервые в жизни потеряв сознание.

http://tl.rulate.ru/book/43725/1031463